

В 1960–70-х С.-М. живет преимущественно в Карачарове, сотрудничает с «Новым миром», дружит с А. Твардовским. В 1967 семья С.-М. переезжает на постоянное жительство в Москву. Писателя преследует слепота, но он продолжает настойчиво работать, диктует новые рассказы («Галки», «Ласточки» и др.), готовит книгу воспоминаний «Давние встречи» (1976), увидавшую свет уже после смерти автора. Урна с прахом писателя захоронена на кладбище в Гатчине.

За долгую и драматичную жизнь С.-М. узнал и горечь невольного эмигрантства, и утраты близких (в разное время потерял трех дочерей), и тяжкие недуги. 60 лет он неутомимо трудился в лит-ре, хотя, по его признанию, «не старался быть писателем», а просто «жил себе», всматриваясь в то, что не всякому дано заметить. Проза С.-М. исповедальна и лирична, мужественна и мудра. Следуя традициям Аксакова, Тургенева, Бунина, он воспевал родную природу, печалился о судьбе русской деревни, с грустью рассказывал о канувшем детстве и своих многочисленных странствиях. Стихийное писательство С.-М. документально в своей основе, проникнуто высокой поэзией и отмечено печатью классического мастерства.

Соч.: СС. Т. 1–3. М., 1929; Соч. Т. 1–2 / вступ. статья А. Твардовского. М., 1959; СС. Т. 1–4 / вступ. статья Вс. Рождественского. М., 1965–66; У светлых истоков: рассказы. Л., 1969; Белые берега: очерки. Л., 1972; От весны до весны. М., 1978; На теплой земле: Повести и рассказы. Л., 1978; Посвящение. М., 1982.

Лит.: Федин К. Соколов-Микитов // Федин К. Писатель, искусство, время. М., 1961; Некрасов В. Неюбилейное признание // Новый мир. 1962. № 5; Смирнов М. Щедрость сердца: Очерк жизни и творчества И. С. Соколова-Микитова. Л., 1970; Твардовский А. Т. О родине большой и малой // Твардовский А. Т. СС. М., 1971. Т. 5; Сладков Н. И. Открыватель // Нева. 1972. № 5; Горелов А. Правдивое искусство // Горелов А. Соединяя времена. М., 1978; Смирнов В. А. Пришвин и Соколов-Микитов // Пришвин и современность. М., 1978; Твардовский и Соколов-Микитов: Письма 1953–1970 годов // Север. 1978. № 4–6; Абрамов Ф. Три портрета // Аврора. 1980. № 7; Лакин В. Встречи с Соколовым-Микитовым // Октябрь. 1981. № 7; Смирнов В. Иван Соколов-Микитов: Очерк жизни и писательства. М., 1983; Творчество И. С. Соколова-Микитова: сб. Л., 1983; Воспоминания об И. С. Соколове-Микитове: сб. М., 1984; Горышин Г. «Я сам был Россия...» Иван Соколов-Микитов // Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. Л., 1987; Некрасов В. От слова «любить»... // Звезда. 2001. № 8.

И. С. Кузьмичев

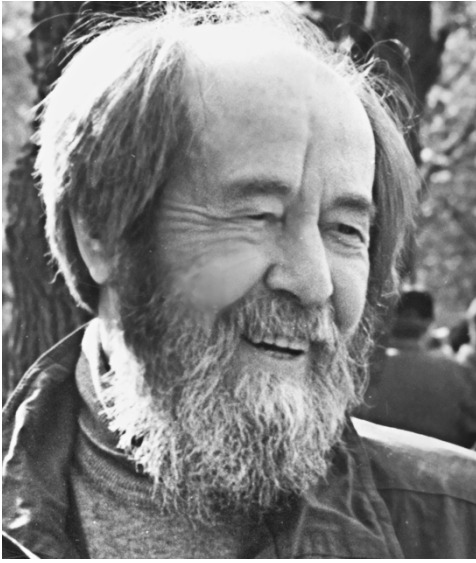
СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич [11.12. 1918, Кисловодск] — прозаик, публицист.

Дед С. по отцу, Семен Солженицын, — крестьянин, владевший хутором на Ставрополье; младший сын его Исаакий, отец писателя, учился в Харькове, затем в Московском ун-те, откуда в 1914 добровольцем ушел на фронт и сражался в армии генерала Самсонова, был награжден за храбрость. Дед по матери, Захар Щербак, перебрался из Крыма на Кубань, стал владельцем богатого крестьянского «поместья», дал дочери Таисии прекрасное образование. В 1917 она вышла замуж за Исаакия Солженицына, но вскоре осталась вдовой: в 1918 отец С. погиб из-за несчастного случая на охоте. Во время революционной смуты поместье Щербаков было разорено, хозяина спасли его же батраки.

В 1924 мать переехала в Ростов-на-Дону, где, как вспоминает С, вырастила сына «в невероятно тяжелых условиях». Светлое детское впечатление от посещения церкви, память о предках, представления о дореволюционном прошлом России — это полученное благодаря матери наследство глубоко залегло в душу юного С.

В школьные годы и после, когда он учился на физико-математическом ф-те Ростовского ун-та (1936–41), открытая, жизнелюбивая, энергичная натура С. была во многом захвачена современной «советской действительностью»; он искренне принимает господствующий стиль «социалистического оптимизма», следует ему в своей общественной активности, в умонастроениях. У С. рано пробудился интерес к истории, но вплоть до 1940-х он склонен романтизировать революцию, из нее выводить героическое начало русской истории. Даже юношеский замысел романа о Первой мировой войне (в нем предполагалось изобразить гибель самсоновской армии, о чем, вероятно, рассказывал участвовавший в тех роковых событиях отец и о чем С. мог слышать от матери) получает характерное название «Люби революцию».

В 1939 С. поступает на заочное отделение знаменитого тогда МИФЛИ (Московский ин-т философии, лит-ры, истории). В том же году он женится на Н. А. Решетовской. В июне 1941, досрочно с отличием окончив ун-т, С. приезжает на сессию в Москву, здесь застаёт его начавшаяся война. Он рвется на фронт, однако после мобилизации в окт. 1941 попадает в тыловой батальон. Лишь после окончания артиллерийских курсов в Костроме, уже в звании лейтенанта, С. в действующей армии и с конца 1942 по янв. 1945 со своей разведывательной «звукобатареей»

А. И. Солженицын

проходит боевой путь от Орла до Восточной Пруссии. Там С. оказывается в тех самых местах, где в 1914 были окружены войска Самсонова. Используя эти впечатления, С. впоследствии опишет эту катастрофу в романе **«Август Четырнадцатого»**, в одном из героев которого, Сане Лаженицыне, воспроизведет черты отца, сражавшегося в тех же местах. Здесь 26–27 янв. 1945 пришлось выходить из окружения и самому С. (этот военный эпизод позже отразится в эссе **«Сквозь чад»**).

Капитан, фронтовой командир, награжденный двумя орденами, С. все яснее ощущает свое писательское призвание, тем более что уже написаны рассказы **«Лейтенант»**, **«В городе М.»**, **«Письмо № 254»**, начата повесть **«Шестой курс»**; о некоторых вещах одобрительно отозвался Б. Лавренев. Однако социально-политическая мысль С. намного обгоняет его лит. работу, становясь все более острой и критичной, хотя пока он не ставит под сомнение главные цели большевизма. С. считает, что Сталин отошел от ленинских заветов; своими «политическими негодованиями» С. делится в откровенных письмах к своему другу Н. Виткевичу, воевавшему на другом фронте. Их переписка привлекла внимание военной контрразведки; высказывания С. сочли «антисоветской агитацией и попыткой создания антисоветской организации». 9 февр. 1945 С. был арестован, в июле приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей с неизбежной после срока ссылкой.

Поначалу его содержали в лагерях под Москвой и в Москве (что дало ему материал для пьес **«Олень и шалашовка»**, **«Республика труда»**; там же родились стихотворные циклы **«Сердце под бушлатом»**, **«Когда теряют счет годам»**). Затем около года С. провел в науч.-исследовательском подразделении НКВД в Рыбинске, откуда переведен в Москву, в «спецтюрьму № 16», называвшуюся в просторечии «Марфинской шарашкой». В ней ээки-специалисты разрабатывали средства радио- и телефонной связи. С. встретился тут с известным германистом Л. Копелевым, художником С. Ивашевым-Мусатовым, инженерами Д. Паниным, Н. Потаповым. Общение с ними сыграло важную роль в становлении социально-этических и исторических взглядов писателя. В этой среде, как замечает мемуарист, «продолжалась мифлийская линия его образования», тем более что Л. Копелев, с которым С. сошелся особенно близко, был прежде доцентом МИФЛИ. Помогала образованию и неплохая библиотека в Марфине, и возможность получать книги из Ленинской библиотеки. Два самых больших «открытия», сделанных тогда С., — творчество Ф. М. Достоевского и «Словарь» В. И. Даля. Они радикально переменили представления С. о русской лит-ре и русском яз. и, конечно, многое предопределили в его будущем «почвенническом» мирозерцании, обострили его худож. и языковое чутье.

Окончательный нравственный выбор (а вместе с тем выбор политический и творческий) совершается во второй лагерный период, начавшийся в 1950, когда С. переводят в Экибастуз (Казахстан), где ему пришлось работать литейщиком, каменщиком, быть бригадиром. Годы заключения дали ему такую полноту и глубину жизнепонимания, без которых невозможно ответить на стоящие перед сегодняшней Россией вопросы. «Страшно подумать, — говорит С. в книге **«Бодался теленок с дубом»**, — что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили». И в интервью с Н. Струве еще решительнее о том же: «Был Божий указ, потому что лагерь направил меня наилучшим образом к моей главной теме...» Лагерь для С. был таким же важным этапом, каким был «мертвый дом» (омский острог) для Достоевского.

В экибастузском лагере С. продолжает сочинять (не записывая, поскольку эзкам запрещалось делать записи) большую автобиографическую поэму **«Дороженька»**; он запоминает стихи и повторяет их с помощью четок. Позже писатель восстановит две главы из

этой поэмы: 8-ю («**Прусские ночи**») и 9-ю («**Пир победителей**»). Неожиданно над ним нависает новая угроза: обнаружена злокачественная опухоль; в февр. 1952 его оперируют с благополучным результатом.

Через год С. освобожден из лагеря и отправлен на «вечное ссыльнопоселение» в аул Кок-Терек Джамбулской обл. После событий, связанных со смертью Сталина (5 марта 1953), для С. началась иная жизнь, теперь уже безраздельно посвященная борьбе за правду и за свое, новое в русской лит-ре слово. Вскоре вновь напомнила о себе болезнь; теперь она зашла так далеко, что отпущенный на лечение в Ташкент С. приехал туда «почти уже мертвецом». Чудом С. удается спасти. Позже он расценивал свое исцеление как данную свыше «отсрочку» — для того, чтобы он до конца осуществил то дело, к которому призван.

После официальной реабилитации Верховным судом С. едет в Москву, где встречается с лагерными друзьями Паниным и Копелевым. Затем отправляется в Ростов. Но настоящая его цель — вырвавшись из неволи, из «пыльной горячей пустыни», «затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила» (Малое СС. М., 1991. Т. 3. С. 112). С. получает назначение учителем в сельскую школу и поселяется в д. Мильцево Курловского р-на Владимирской обл., сняв комнату в доме крестьянки Матрены Васильевны Захаровой. Ее личность, ее жизнь как характерное воплощение народного типа, крестьянской судьбы отразились в рассказе «**Матренин двор**» (1963), первоначальное название которого (более глубокое и точное) — «**Не стоит село без праведника**» (его изменил А. Т. Твардовский при публикации). В февр. 1957 М. В. Захарова погибла.

В том же году С. переезжает в Рязань, преподает в школе, а втайне от всех продолжает работать над романом «В круге первом» (начат в 1955). Самая острая сюжетная линия в нем (впрочем, и самая короткая и прерывистая) — история молодого дипломата Иннокентия Володина, перед которым встает еще Герценом заданный вопрос: «Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство?» Убеденный, что именно нынешняя власть есть главный источник зла, Володин решает не допустить того, чтобы в руках власти оказалось атомное оружие, и звонит в американское посольство с целью предотвратить получение советским агентом в Нью-Йорке технологических деталей производства бомбы. Но его разговор

записан сотрудниками МГБ, и по записи начинается поиск звонившего. Идентификацией голоса занимаются собранные в научно-исследовательской «шарашке» ээки, среди которых — убежденный коммунист филолог Лев Рубин (прототипом его был Л. Копелев; см. его воспоминания: Марфинская шарашка // Вопр. лит-ры. 1990. № 7), инженер Пряничков, математик Нержин, чья беспокойная мысль упорно пробивается к «свету истины» и движется в этом направлении не без влияния Сологодина, уже нашедшего свой путь к Богу. С Сологодиным и обсуждает Нержин свой заветный замысел — создание истории Нового Смутного Времени (так они именуют революцию). Подобно этому и у самого С. в беседах с сокамерниками вызревал, уточнялся в методах и содержании давний замысел воспроизвести в худож. изображении основные «узлы» русской истории XX в.

В названном романе С. представил «первый круг» лагерного ада (по аналогии с первым кругом ада дантовского), где под гнетом гос. карательной пирамиды (она обрисована в разных ее представителях — от тюремных надзирателей до технической элиты госбезопасности (Яконов), до министра Абакумова и самого Сталина) остаются живыми и активными лучшие нравственные и умственные силы народа, ожидающие своего часа.

Когда в 1963 появилась надежда напечатать роман, С. предпринял его переделку: исключил ряд глав, изменил некоторые эпизоды (в т. ч. снял всю сюжетную линию, связанную с передачей «атомных секретов» советскому агенту), чтобы приглушить политическую остроту произведения. В этой, 5-й ред., состоящей из 87 глав, роман был принят ж. «Новый мир» в 1964, но публикация не состоялась; с 1967 данная редакция широко распространялась через самиздат. Ее более «острый» (хотя и не полный) вариант в отснятом на пленке виде был переправлен на Запад и напечатан в США. Полная и окончательная ред. состоит из 96 глав, она завершена в 1968.

В 1959 С. за 3 недели пишет повесть «**Один день Ивана Денисовича**», задуманную еще в Экибастузском лагере в 1950 и отражающую впечатления и размышления той поры. Первоначальное название — «**Щ-854 (Один день одного ээка)**». Смягчив политическую резкость некоторых мест, С. в 1961 передает повесть в «Новый мир»; она появляется в 11-м номере «Нового мира» за 1962, печатается в «Роман-газ.», выходит отд. изд. и приносит автору всемирную известность. Значение повести, однако, не сводится к сенсационным тогда разоблачениям

репрессивной машины сталинизма, к реалистическому изображению лагерного быта. В центре повествования — образ Ивана Денисовича Шухова, чье главное качество — нравственная прочность и устойчивость среди оползней и трясин лагерной жизни. Шухов не слишком задумывается над тем, что придает ему такую устойчивость, он скорее инстинктивно держится тех оснований, на которых стояла жизнь предков и которые уходят в незыблемые глубины миропорядка. Публикация «Одного дня...» вызвала отклики от тысяч людей, от бывших «зэков» из крестьянства, духовенства, интеллигенции, от тех, кого называли «врагами народа». С. считал своим моральным и писательским долгом поведать о судьбах этих людей. Книгу под названием «Архипелаг ГУЛАГ» он задумал еще в 1958 и тогда же начал писать, сначала не представляя себе масштаба предстоящего труда. Собранные к 1964 материалы, почерпнутые из разных источников данные, собственные наблюдения выстраивались в соответствии со строгим планом в «художественное исследование» (как определяет жанр автор), охватывающее 1918–56. В речи повествователя звучит то негодование, то сарказм, то сострадание. Книга эта — именно исследование, стремящееся установить, почему же зло могло принять такие чудовищные размеры и формы в послереволюционной России. Для того С. заглядывает в недра души совр. человека (не щадя и себя самого и перед собой ставя «страшные вопросы»), всматривается в эпоху 1920–30-х.

Интенсивность лит. работы С. нарастает с каждым месяцем. Создается сценарий «Знают истину танки!», следом — пьеса «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру»); пишутся рассказы «Случай на станции Кочетовка», «Для пользы дела», «Крохотки»; идет работа над романом «Раковый корпус» (1963–67), где отразились лица и события, связанные с пребыванием С. в онкологической клинике. Как и в др. вещах, здесь мощно звучит мотив преодоления боли и смерти, но возникает и новая тема — выздоровления: тело выздоравливает от смертельного недуга, душа выздоравливает от страха, от несвободы. Перед вышедшим из больницы героем предстает как чудо цветущий «немыслимой розовой нежностью» урюк. В этом знаменении как будто соединяются собственная воля к новой жизни и Божий дар: «Чудо было задумано — и чудо нашлось. Еще много разных радостей ждало его сегодня в только что народившемся мире!..» (Малое СС. М., 1991. Т. 4. С. 377).

«Раковый корпус» был отдан А. Твардовскому для публикации в «Новом мире», но никто не решился его печатать; вокруг С. сгушалась атмосфера враждебности. Начиная с 1965 С. работает в глухих, удаленных от Москвы «норах» и «укривищах» — в Солотче (близ Рязани), в дачном домике возле дер. Рождество на реке Истье (на юго-западе от Москвы), у К. И. Чуковского в Переделкине. Он упорно, мужественно отстаивает право знать и говорить правду о судьбе своего народа. «Я стал идеологически экстерриториален», — скажет он позже. С таких позиций С. в мае 1967 обращается с письмом к делегатам IV съезда писателей СССР, предлагая добиться отмены существующей явной и негласной цензуры. Это письмо было поддержано более чем ста писателями, однако на съезде его не оглашали и действия оно не возымело.

Всю историю борьбы за право строить свою и общую жизнь «не по лжи» С. начинает записывать по ходу событий с 1967, постепенно записи складываются в книгу, которая приобретает характер не столько мемуаров, сколько остросюжетного романа, главный герой которого — писатель-гражданин, вступивший в схватку с тоталитарной системой. Эта книга — «Бодался теленок с дубом» — выходит в свет в Париже в 1975 и впоследствии продолжает пополняться. В России она, с некоторыми приложениями, опубликована в ж. «Новый мир» (1991. № 6–8, 11, 12).

Одновременно идет работа над книгой «Р 17», как условно обозначал С. давно вынашиваемый роман о революции 1917. В 1968 быстро продвигается вперед первый «узел» эпопеи — «Август Четырнадцатого».

Тем временем на Западе выходит из печати «Раковый корпус». Летом 1969 С. путешествует по северной России с Н. Светловой, будущей женой. Осенью его исключают из СП. Лишенный возможности легально жить в Рязани и в Москве, он находит приют на даче виолончелиста М. Ростроповича. В 1970 по инициативе французского писателя Ф. Морисака С. присуждается Нобелевская премия по лит-ре, но вручение ее тогда не состоялось. (Нобелевская лекция лауреата С. опубликована в России в «Новом мире» — 1989. № 7). Оконченный теперь «Август Четырнадцатого» выходит на русском яз. в Париже в 1971, а писатель В. Л. Андреев вывозит на Запад рукопись романа «Архипелаг ГУЛАГ», завершенную еще весной 1968. С конца 1973 роман начинает печататься в Париже (с помощью Н. Струве).

В начале 1974 преследования со стороны властей усиливаются. С. подготавливает знаменитый манифест **«Жить не по лжи!»**, который был обнародован сразу после его ареста 13 февр. 1974 (в России опубликован в ж. «Наш современник» — 1989. № 9). За арестом последовали лишение советского гражданства и принудительная высылка за границу. В Западной Германии его встречает немецкий писатель Г. Белль, у которого С. живет первое время до переезда в Цюрих.

В этом году он основывает Русский общественный фонд помощи заключенным и их семьям, куда поступают доходы от издания его сочинений. Осенью С. представляет на пресс-конференции в Цюрихе сб. «Из-под глыб» (1974), в котором ему принадлежат предисловие и три статьи: **«На возврате дыхания и сознания»**, **«Раскавание и самоограничение»**, **«Образованщина»** (Новый мир. 1991. № 5). Развивая идеи, высказанные еще авторами известного сб. «Вехи» (1909), С. упрекает современную либеральную интеллигенцию в беспочвенных претензиях на духовное лидерство, тогда как она зачастую представляет собой лишь «центровую образованщину», по хлесткому определению публициста. «Да не в том ли заложена наша старая потеря, погубившая всех нас,— напоминает С.— что интеллигенция отвергла религиозную нравственность, избрав себе атеистический гуманизм...» (Новый мир. 1991. № 5. С. 44).

В окт. 1976 С. покидает Цюрих и поселяется в США. Он покупает в штате Вермонт, около г. Кавендиша, участок земли, строит на нем дом с хранилищем для библиотеки и архива. Здесь, общаясь только с семьей и изредка — с немногими близкими людьми, он отдается работе над эпопеей, получившей окончательное название **«Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках»**. Предполагалось, что она будет состоять из нескольких крупных «узлов», в коих сходятся основные линии русской истории XX в. Начавшись описанием самсоновской катастрофы, она должна была бы дойти до 1922, «когда все последствия революции уже закованы в железные колеи, когда социальная динамика кончилась и начинается уже качение по этим жестким рельсам» (Вестник русского христианского движения. 1984. № 142. С. 153).

Образ «красного колеса» возникает неоднократно в повествовании — то как горящие крылья ветряной мельницы, которые вдруг начинают вращаться без ветра, и катится по воздуху жуткое огненное колесо, то как

красное колесо тяжелого паровоза, на которое смотрит Ленин, размышляющий на Краковском вокзале о «раскручивающейся» войне, то как отскочившее от лазаретной повозки колесо, катящееся само по себе в багровых отсветах пожара. Образ становится символом стихийного кружения разрушительных, всежигающих сил русской истории.

На тревожные вопросы молодых героев в «Августе Четырнадцатого» мудрый старик Павел Иванович Варсонофьев отвечает так: «Законы лучшего человеческого строя могут лежать только в порядке мировых вещей. В замысле мироздания. И в назначении человека» (Звезда. 1990. № 6. С. 107). Это далее, метафизическое указание на абсолютный смысл истории проходит основной нитью (не всегда ясно видимой, но никогда не исчезающей) сквозь всю ткань эпопеи, не позволяя всей многофигурной, подвижной композиции застыть в детерминистских схемах или расплываться в хаотически случайных пятнах.

Свободная аналитическая мысль и вера в провиденциальную целесообразность судеб человечества вместе ведут С. через гущу лиц, событий, суждений, через переплетение действительности и наукообразных легенд (либеральные легенды о Столыпине, об «освобождающем Феврале» и пр.) к установлению правды. С. стремится найти философско-этическое объяснение тому, что произошло в России с 1914 по начало 1920-х — трагедия русской армии в Первой мировой войне, трагический срыв всей русской государственности, начавшийся в ту эпоху убийством Столыпина, гибелью его начинаний, продолжавшийся отречением императора, «несчастными» февральскими днями, после которых «либерально-социалистические правители» в полгода «протолкали Россию» до совершенного упадка, так что осенью уже не понадобилось никакого переворота, чтобы подобрать власть (Москва. 1989. № 10. С. 195).

Такому содержанию, в его сложности и колоссальном объеме, соответствует «наиболее влекущая» С. лит. форма — «полифонический» роман (без главного героя, где самым важным персонажем является тот, кого в данной главе «застигло» повествование, и с точными приметам времени, места действия) (Новый мир. 1991. № 6. С. 112). Не нарушает этой формы, а скорее даже усиливает ее худож. эффективность часто используемый С. прием «монтажа» традиционного рассказа с документальными материалами, с «экранными» врезками (где речь не «рассказывающая», а «показывающая»), с «пау-

зами», когда выключается историческое повествовательное время для того, чтобы через графически выделенную пословичную речь включить «вечное» фольклорно-летописное время, чем подчеркивается темп и плотность современного эпического потока. Вкупе с существенно обновленным словарем писателя это рождает специфический стиль С., являющийся одним из принципиальных выражений его творческой свободы.

Вернувшись в 1994 в Россию, С. в многочисленных статьях и интервью высказывает свой взгляд на сложившуюся в стране в ходе перестройки ситуацию, оценивая ее как чрезвычайно драматичную и намечая возможные пути выхода из социального кризиса; его суждения о совр. состоянии страны развернуто изложены в книге с выразительным названием «**Россия в обвале**» (1998). В 1993–98 из-под пера С. выходят худож. произведения: повесть «**Адлиг Швенкиттен**», «двучастные рассказы», своеобразные миниатюры «**Крохотки**». Им подготовлены к печати не издававшиеся прежде произведения: сочинявшиеся устно и записанные гораздо позже поэма «**Дороженька**» (1947–52), лагерные стихи 1946–53, неоконченная повесть «**Люби революцию**» (1948–58), а также очерк «**Протеревши глаза**» (1955), посвященный анализу комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Возобновляя этот жанр критического разбора лит. явлений, С. создает серию подобных очерков, названную им «**Литературная коллекция**» и печатавшуюся в «Новом мире» в 1997–2000. Мемуарно-публицистическое творчество С. в эти годы представлено завершенными очерками лит. жизни «Бодался теленок с дубом», продолжавшейся работой над «очерками изгнания» — «**Угодило зернышко промеж двух жерновов**», воспоминаниями «**Поживши в ГУЛАГе**». В 1993–97 выходит отд. 10-томным изд. эпопея «**Красное колесо**» (переиздана в 2001), включающим авторские поправки и дополнения. Многолетняя работа С. с материалом российской истории выдвинула перед ним не утрачивающий своей остроты вопрос о судьбах русского еврейства, издавна привлекавший внимание не только публицистов, но и мыслителей (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов и др.). Свой ответ на этот вопрос С. дал в фундаментальном труде по истории русско-еврейских отношений «**Двести лет вместе**», который он «писал, исходя лишь из вельний исторического материала и поиска доброжелательных решений на будущее» (Двести лет вместе. Ч. 1. С. 7). Как и др. работы С.

на общественные, национальные, моральные темы, этот труд вызвал многочисленные отзывы — и сочувственные, и полемические.

Во всеоружии своего трагического гражданского опыта, исторического знания, лит. таланта С. выступил с самой острой и аргументированной критикой тех государственно-политических формаций XX в. и тех идеологических систем, которые ведут к подавлению свободы, к насилию над мыслью и совестью личности. Одновременно в своем худож. творчестве он показал, что в человеческой природе, в религии, в исторически сложившихся укладах народной жизни сохраняются прочные основания подлинного гуманизма.

Соч.: СС: в 20 т. Вермонт; Париж, 1978–91; Малое СС: в 7 т. М., 1991; СС: в 9 т. М., 1999; Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7; Поминальное слово о Твардовском. Жить не по лжи! // Наш современник. 1989. № 9; Всероссийскому Патриарху Пимену великопостное письмо // Слово. 1989. № 12; Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990; Пьесы. М., 1990; Русский словарь языкового расширения. М., 1990; Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования: в 3 т. М., 1990; На возврате дыхания и сознания. Раскаяние и самоограничение. Образованщина. ...Колелет твой треножник // Новый мир. 1991. № 5; Черты двух революций // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991; Наши плюралисты: Отрывок из второго тома «Очерков литературной жизни» // Новый мир. 1992. № 4; «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995; «Исторически и мировосприятно православие для нас на первом месте...» // Москва. 1995. № 9; Двучастные рассказы: Молодняк. Настенька // Новый мир. 1995. № 10; Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1995–97; Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. 2-е изд. М., 1996; Россия в обвале. М., 1998; На изломах: Малая проза. Ярославль, 1998; Протеревши глаза. М., 1999; Поживши в ГУЛАГе: сб. воспоминаний. М., 2001; Литературная коллекция // Новый мир. 1997. № 1, 4, 7, 10; 1998. № 1, 7, 10; 1999. № 1, 7, 10, 12; 2000. № 7; Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9, 11; 1999. № 2; 2000. № 9, 12; 2001. № 4; 2003. № 11; Двести лет вместе (1795–1995): в 2 ч. М., 2001–2002; Рассказы. М., 2000; Армейские рассказы. М., 2001; Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках: в 10 т. М., 2001.

Лит.: Плетнев Р. В. А. И. Солженицын. 3-е изд. Paris, 1973; Шнейерсон М. А. Александр Солженицын: Очерки творчества. Frankfurt/Main, 1984; Белль Г. Четыре статьи о Солженицыне // Иностр. лит.-ра. 1989. № 8; Шаховская З. О правде и свободе Солженицына // Слово. 1990. № 3; Струве Н. О «Марте Семнадцатого» // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991; Паламарчук П. Г. Александр Солженицын: путеводитель. М., 1991; Левитская Н. Г. Александр Солженицын: библиографический указатель. М., 1991; Штурман Д. Солжени-

цын и национальный вопрос // Стрелец: альм. Париж; М.; Нью-Йорк. 1992. № 2(69); Нива Ж. Солженицын. М., 1992; Мешков Ю. А. Александр Солженицын: Личность. Творчество. Время. Екатеринбург, 1993; Заярная И. С. К вопросу о христианской традиции в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына // Православие и культура. Киев, 1993; Чалмаев В. А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. М., 1994; Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне: Сб. документов. М., 1994; Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–74. М., 1998; Спиваковский П. Е. Феномен А. И. Солженицына: Новый взгляд. М., 1998; Кузьмин В. В. Поэтика рассказов А. И. Солженицына. Тверь, 1998; А. И. Солженицын и русская культура: Межвузовский сб. науч. трудов. Саратов, 1999; Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына // Лит. обозрение. 1999. № 1; Спиваковский П. Краткая библиография сочинений А. И. Солженицына и работ о нем // Лит. обозрение. 1999. № 1; Залевалов В. Н. Международная научная конференция «Академик А. И. Солженицын. К 80-летию со дня рождения»: [материалы конференции] // Русская литература. 1999. № 4; Голубков М. М. Александр Солженицын. 2-е изд. М., 2001; Клеофастова Т. В. Метаистория России в романе-эпопее А. Солженицына «Красное колесо» // Россия и совр. мир. 2001. № 1; В историческом пространстве хватит места для всех...: Дискуссия по книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе» // Москва. 2001. № 9; Сараскина Л. И. А. И. Солженицын как читатель Достоевского // Достоевский и мировая культура. 2001. Вып. 16; Сухих И. Сказание о тритоне: (1958–1968. «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына) // Звезда. 2001. № 12; Мелихов А. Каленый клин // Дружба народов. 2002. № 1; Гачев Г. Россия и ее приемный сын // Континент. 2002. № 1; Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002; Медведев Р. Солженицын и Сахаров. М., 2002; Иванова Н. Сезон скандалов: Войнович против Солженицына // Знамя. 2002. № 11; Бушин В. С. Александр Солженицын. М., 2003; Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына. М., 2003; Николсон М. Солженицын на мифотворческом фоне // Вопр. лит.-ры. 2003. Вып. 2; Резник С. Е. Вместе или врозь?: Заметки на полях книги А. И. Солженицына. М., 2003; Котельников В. А. «Архипелаг ГУЛАГ»: Археология зла // Посев. 2004. № 4.

В. А. Котельников

СОЛОВЬЁВ Леонид Васильевич [6(19).8.1906, Триполи, Ливан — 9.4.1962, Ленинград] — прозаик, драматург, киносценарист.

Родился в семье инспектора русско-арабских школ. Ранние детские впечатления от быта людей Ближнего Востока, от природы, экзотической и яркой, возможно, оказали свое влияние на писательские интересы будущего автора книг о Ходже Насреддине. Когда ребенку было 5 лет, его родители вернулись в Россию, но поселились в местах, напоми-

навших раннее детство,— в Средней Азии, в Коканде (бывшая столица Кокандского ханства). Подростком С. видел события, связанные с революцией,— они были яркие, драматичны и имели специфический характер. Ломка многовекового восточного уклада жизни, традиционных, освященных исламом семейных отношений, множество кровавых драм, происходивших на этой почве, поражали воображение и вызвали сюжеты и образы, требовавшие худож. воплощения. В Коканде, городе нарядной красоты, украшенном многочисленными бирюзовыми мечетями, шумном от множества базаров и крика уличных торговцев, С. окончил среднюю школу. В 1925–29 он работал в Коканде, преподавая в школе ФЗО (фабрично-заводское обучение).

Тяга к писательству привела его в газ. «Правда Востока» (Ташкент) — он стал специальным корреспондентом по Ферганской обл., печатал корреспонденции, очерки, пробовал свои силы в небольших рассказах и драматических сценах, похожих то ли на пьесы, то ли, по своей фрагментарности, на сценарии. В 1930–32 С. учится на сценарном ф-те ВГИКа (Всесоюзный гос. ин-т кинематографии). В 1930 на собранных самим фольклорных материалах С. издает книгу **«Ленин в творчестве народов Востока. Песни и сказания»**. Тогда же выходит его повесть **«Кочевье»** (1932), а в 1934 появляется сб. рассказов **«Поход „Победителя“»** об изменении психологии советских ок-

Л. В. Соловьёв